

Внезапно кто-то в хвосте колонны дрожащим голосом спросил: «Эй! Вы не почувствовали, как только что подул ветер?»

«Какой ещё ветер? Ты что, обалдел от таскания ящиков? Какой ветер может быть под землёй?»

«Нет, правда был ветер», — голос того человека задрожал ещё сильнее.

Кто-то ещё из колонны сказал: «И правда был. Я... я тоже почувствовал».

Затем один за другим люди стали подтверждать, что ощутили дуновение. Все сглотнули, и тот, кто стоял сзади, снова заговорил: «Моя бабушка говорила, если много зла творить, духи явятся. Я же говорил, не надо нам этим заниматься, грех перед нашими же братьями».

«Заткнись! Будешь дальше панику сеять — лишишься месячного жалованья! Нам перед ними стыдно, а кому мы должны? Не будем этим заниматься — что есть-пить будем? Жизнь тебе не дорога? — Продолжайте!»

Группа снова взялась за работу, потащив ящики вглубь. Этот мелкий эпизод прошёл мимо ушей Лю Хуня, который уже ушёл далеко вперёд.

Тан Юань, обойдя пещеру, вернулся ко входу. В руке он сжимал щепотку пороха, вытащенную из одного из солдатских ящиков. Поднеся её к носу, он внимательно вдохнул.

Порох!

Порох найти нетрудно — его полно в мастерских, где делают фейерверки. В крайнем случае, можно сделать самому: «одна селитра, две серы, три угля».

Сложность в ином — в чистоте. В кустарном порохе всегда есть примеси, даже в петардах бывают осечки. А вот порох в руке у Тан Юаня был иным. Он вспыхивал мгновенно, от малейшей искры — такой не сделает даже неопытный военный пиротехник. Несомненно, и это утекло из Министерства финансов — только у них хватило бы наглости и средств.

Эта пещера была настоящим подземным складом. Солдаты могли бы прямо здесь надеть доспехи, взять оружие — и в бой. Не говоря уже об огнестреле — условия почти как у столичной гвардии.

Так зачем Лю Хуню понадобилось вывозить всё это сюда?

Тан Юань хорошо знал Лю Хуня. Тот был высокомерен, но труслив, и главной его опорой была старшая сестра. Он никогда не выходил за рамки того, что она могла прикрыть.

В детстве, когда он задирали принцев, то выбирал лишь тех, чьи матери уступали в статусе его сестре. Так, если наложницы пожалуются императрице, его сестра могла бы всё замять. Или вот, когда он неосторожно полез к Тан Юаню, а тот швырнул его в озеро, — Лю Хунь хоть и затаил злобу, больше не осмеливался показываться ему на глаза.

Мог ли такой человек осмелиться на кражу военного имущества? Украсть — и не продать, а хранить в этом постоялом дворе, словно нарочно подставляясь?

Разве что он нашёл покровителя могущественнее сестры — того, кто смог бы защитить его даже от расследований Министерства обороны и Министерства финансов. Таких во всём дворе — раз-два и обчёлся.

Самым подозрительным, конечно, был сидящий на троне. Но зачем ему вывозить снаряжение? Если нужно контролировать армию, можно просто придержать поставки через Министерство финансов или обороны.

У Тан Юаня мелькнула догадка, но он не был уверен. С этими мыслями он вышел на поверхность, чтобы найти Се Саньчуаня.

Се Саньчуань сидел в повозке, поджидая его. Увидев Тан Юаня, он быстро подошёл.

— Что обнаружили, молодой господин?

Тан Юань сначала вскарабкался в повозку, отхлебнул воды из бурдюка и только потом ответил:

— Внизу — военное снаряжение. Доспехи, оружие и порох.

— Порох? Значит, мы всё это время жили на пороховой бочке?

— Именно так. — Господин Се, у меня к вам вопрос.

— Спрашивайте, не стесняйтесь.

— Это заведение числится за Павильоном Недеяния. Вы, как его глава, никогда не слышали о странностях в своих владениях? — Этот вопрос вертелся у Тан Юаня с самого начала. На вывеске постоянного двора отчётливо красовались иероглифы «Увэй» — «Недеяние». А Се Саньчуань вёл себя так, будто понятия не имеет. Ладно, хозяин не узнал его под маскировкой — но и он, похоже, не узнал хозяина.

— Но оно не числится за Павильоном. Я отлично помню все наши активы, и постоянного двора «Юньлай» среди них нет.

— Однако на вывеске вышито «Недеяние».

— Что? — Удивление Се Саньчуаня было неподдельным. Он и правда не знал, что этот постоянный двор связан с Павильоном. — Не может быть. Пусть я не силен в лёгком искусстве, но память у меня хорошая. Этого места точно нет в реестре.

— Значит, это незарегистрированная собственность. Никто из ваших подчинённых никогда о нём не докладывал?

— Павильон Недеяния всегда ставил своей целью сохранение равновесия между рекой и озером (jianghu) и двором. Гражданских предприятий у нас много, но все они подчиняются правилам: сколько где открыто, какие доходы в конце года — всё заносится в книги. Разве что... — Се Саньчуань потер виски и вздохнул. — Если подчинённые открыли его без моего ведома.

Тан Юань не ожидал, что в Павильоне Недеяния возможны такие интриги.

Внешний образ Павильона всегда был безупречным — как и говорил Се Саньчуань, они служили балансу, все были едины и преданы делу. Но где люди — там и распри. Кто не жаждет власти? Кто не гонится за выгодой? Открывать заведения под вывеской Павильона — не только давало защиту его авторитета, но и избавляло от необходимости платить взносы в главное управление. Слишком уж соблазнительно. Теперь существование этой таверны обретало смысл.

Но всё равно что-то не сходилось. Тан Юань почувствовал, как начинает болеть голова, и отбросил эти мысли.

— Господин Се, в путь. — Он прервал дальнейшие рассуждения Се Саньчуаня. Чужие внутренние дела — не их забота. Сейчас главное — добраться до столицы.

Будь то императорский указ или военное снаряжение — все тайны раскроются только в столице.

(Десять)

Вскоре в лагерь Армии клана Юань также прибыли награды, пожалованные сверху. Вместе с ними пришёл и императорский указ, предписывающий Юань Сяо вернуться в столицу для отчёта.

Указ застал Юань Сяо в его шатре, где он начищал меч.

Меч был около двух чи в длину, что для клинка не так уж много. На нём не было никаких украшений, кроме кровостока, да и рукояти как таковой не имелось. Тем не менее, он был столь же знаменит, как и меч Чэнцзянь.

Он был выкован из цельного куска лазурной стали и оттого тяжёл в руке. Лишь когда его наполняли внутренней силой, с клинка осыпалась патина, обнажая острейшую кромку. Подобно той ночи в поместье Лайи, когда Юань Сяо опьянел от убийств, этот меч хорошел, чем больше крови проливал. Но в обычное время он был безмолвен и неприметен, словно простая стальная палка.

— Генерал, прибыл указ, — капитан осторожно обошёл лезвие и наклонился к уху Юань Сяо.

— Юань Сяо принимает указ! — Как бы в подтверждение слов, из-за полога шатра донёлся пронзительный, протяжный голос евнуха.

Юань Сяо на мгновение задумался, затем убрал меч. Вместо того чтобы облачиться в доспехи, он оперся на плечо капитана, многозначительно подмигнул ему и разразился душераздирающим кашлем.

Капитан, следовавший за ним по пятам с детских лет и прошедший множество походов, мгновенно сориентировался. Он завопил так, словно оплакивал покойного родственника:

— Генерал! Генерал! Вы же только что от тяжёлых ран оправляетесь, как же вы поднялись? Да вы жизни не бережёте!

— Не могу! Воля императора — как могу я не преклонить колени?

— Но ваше здоровье... — Рыдания капитана стали громче. — Генерал, вы же только с того света вернулись! Умоляю вас!

Евнух за шатром, не дождавшись выхода, сделал несколько шагов к главной палатке. Изнутри доносились причитания, среди которых твёрдый голос Юань Сяо звучал особенно выразительно.

— Не преклонить колени перед указом — значит проявить непочтение.

— Генерал, генерал, подумайте о себе! Умоляю вас! Если Сын Неба разгневается — всю вину

на меня! — Вопль капитана, казалось, достиг самых небес, и евнуху почудилось, что звук бьёт прямо в уши.

— Это... — евнух был в замешательстве.

Офицер, сопровождавший его, также выглядел озадаченным. Глаза его покраснели прежде, чем он заговорил, а несколько солдат позади принялись украдкой смахивать слёзы:

— Не скроем от вас, наш генерал недавно был тяжело ранен и до сих пор не встаёт с постели. Принять указ ему будет... затруднительно.

— Тогда я зайду в шатёр и оглашу указ.

<http://bllate.org/book/16265/1463551>